

О.А. Ройтман

ЯВЛЕНИЕ АССИМИЛЯЦИИ В СИНТАГМАТИКЕ:
АСПЕКТ ДИНАМИКИ

Рассмотрение явления ассимиляции возможно в двух аспектах – в статике и динамике, что в известной степени соотносимо с различием ассимиляции исторической и «живой», а также, отчасти, ассимиляции в языке и речи. Для лингвистической интерпретации ассимилятивных явлений большое значение имеет различение понятий статики и динамики, связанное в первую очередь с именами Н.В. Крушевского, Ф. де Соссюра и Р.О. Якобсона.

Н.В. Крушевский в своих лекциях 1880 г. по антропофонике противопоставил статику динамике, рассматривающую звуки речи в зависимости от временной последовательности, предполагающей как зависимость звука от смежных звуков в пределах конкретного звукоряда, так и судьбы звука в исторической смене языковых этапов. В антропофонике Крушевский выделяет статику, изучающую условия возникновения отдельных звуков, и динамику, изучающую условия изменений звуков, а именно изменений, обусловливаемых влиянием звуков друг на друга, или изменений комбинационных (сосуществование, *coexistentia*) и обусловливаемых временем или изменений спонтанеических (последовательность, *consequentia*). При этом человеческий звук рассматривается им тройко: 1) независимо от места, т.е. от соседних звуков, и времени; 2) в зависимости от соседних звуков; 3) в зависимости от времени, т.е. изучение звука в его историческом развитии. «Первое составляет предмет антропофонической статики, а второе и третье – предмет динамики в точном смысле слова, третье – предмет антропофонической истории» [3: 412].

Отметим здесь, что И.А. Бодуэн де Куртенэ также признавал, что статические и динамические законы развития языка являются выражением двух его противоположных тенденций. «В языке, как и вообще в природе, все живет, все движется, все изменяется. Спокойствие, остановка, застой – явление кажущееся; это частный случай движения при условии минимальных изменений. Статика языка есть только частный случай его динамики или скорее кинематики» [1: 387]. Конечно изменение, по Бодуэну, находится в полной противоположности с устойчивостью и стабильностью языка.

Понимание Крушевским упорядоченности языковых явлений в системе языка базируется на историческом подходе к языку. Он подчеркивает, что процесс упорядочения языкового материала протекает параллельно с процессом разрушения системности в отдельных структурных звеньях, так что между упорядоченными и неупорядоченными системами нет непроходимой грани.

Рассматривая язык как исторически изменчивую категорию, периоды развития которой находятся в преемственной связи, Крушевский приходит в то же время к выводу о необходимости четкого разграничения всех языковых явлений в двух планах – в статическом и динамическом. Отсюда такие понятия, как статический и динамический законы звука, звукосочетания и звуковой системы, статика и динамика языка и др. В своих исследованиях Н.В. Крушевский стремился выделить различные исторические наслоения в языке и установить соотносительную хронологию исследуемых процессов.

В учении Соссюра и его учеников, противопоставление статики и динамики, языка и речи, системности и бессистемности, оси одновременности и оси последовательности соответствовало разграничению понятий синхронии и диахронии. Такое приравнивание синхронии и статики подверглось серьезной критике, особенно со стороны Р.О. Якобсона, возражавшего «против упорного мнения о статичном характере языкового кода» [5: 313] и признававшего динамику как неотъемлемое свойство языка «в любой момент его существования, в том числе и в синхронии».

«Связь статики и динамики – это одна из основных диалектических антиномий, составляющих самую суть языка. Без учета этого противоречия невозможно понять диалектику языкового развития. Попытки отождествить, с одной стороны, *синхронию*, *статику* и сферу приложения *телеологии*, а с другой – *диахронию*, *динамику* и сферу *механической причинности* неправомерно сужают рамки синхронии, превращают историческое языкознание в конгломерат разрозненных фактов и создают призрачную и вредную иллюзию о пропасти, разделяющей проблемы синхронии и диахронии» [6: 332].

Послесоссюровская лингвистика опровергла соссюровское отождествление дихотомий «синхрония *versus* диахрония» и «статика *versus* динамика» и пополнила соссюровскую модель языка, рассматривающую язык как статичную систему, «динамической картиной разнообразного изменчивого кода, в которой присутствует как многофункциональность языка, так и временные и пространственные факторы, исключенные Соссюром из системы языка» [7: 383].

В данной статье динамика, имеющая смысл близости, обозначает период, непосредственно затрагивающий людей, а статика – «период завершения, пространство, где все находит свой предел». При этом статика сливается с динамикой, исчезает в ней, так что оба временных периода неразделимы. Особое значение приобретают дихотомии «статика-динамика» и «парадигматика-синтагматика». Использование такой двоичной классификационной системы вносит упорядоченность, но вместе с тем в этом порядке содержатся элементы дисгармонии, объясняющие его постоянное нарушение. Внутренне обе системы не являются статичными: их элементы постоянно находятся между собой в сложном и противоречивом противодействии.

С динамической точки зрения ассимиляция характеризуется как процесс, в отличие от статичных, «застывших» форм слова, в которых мы имеем дело с результатом ассимилятивного действия. Отличительной чертой ассимиляции в динамике является незавершенность процесса, отражаемая в вариативности звуковых элементов, в сосуществовании двух произношений, одно из которых обусловлено действием ассимиляции.

В живом языке слово «всегда связано с другими словами и несет на себе смысловую энергию того целого, куда это слово входит вместе с прочими, и эту связанность с целым необходимо отметить и зафиксировать терминологически. Это есть синтагма слова, синтагматический слой в семеме» [4: 39]. В синтагматическом плане, т.е. в потоке речи, действует ассимиляция, которую Д. Джоунз называет контекстуальной [9: 130], а И. Уорд – «соположенной» (*juxtapositional assimilation*) [11: 194].

Признаковая база ассимиляции согласных в синтагматике включает следующие группы признаков: а) место образования, б) способ образования звука, в) участие голосовых связок.

А. *Ассимиляция по месту образования согласного* дает следующие переходы: 1) **n > m** под влиянием последующего [p, b, m] 2) **n > ŋ** перед [g, k]; 3) **m > ŋ** перед [g, k]; 4) **d > b** перед [b, m, p]; 5) **d > g** перед [p, b, m] или [g, k]; 6) **t > k** под влиянием последующих [k, g]; 7) **t > p** перед [p, b, m].

1) Переход **n > m** под влиянием последующего [p, b, m] наблюдается на стыке, например, следующих слов: *ten minutes; one more; on me; in business; gone past; gone back; ten men; done professionally; in bed; on purpose; Tin Pan Alley*. Некоторые британские фонетисты отмечают, что в быстрой непринужденной или небрежной речи [n] переходит в [m] не только *перед*, но и *после* [p, b, m] [8: 143].

2) Переход **n > ŋ** перед [g, k]: *ten kings, on course, in camp, he can go, in quite, can get, Mexican games, been concentrating; I don't care, one cup, main gate*.

3) **m > ŋ** перед [g, k]: *I'm going, I'm coming, I'm conscious, I'm grateful* [2: 59-60].

4) **d > b** перед [b, m, p]: *you'd better; good boy; good morning; would be; a good man; good people; hard problem; hard blow; broad beans; hundred pounds; vanguard movement; said Piglet; hard path; I had plenty; which had been left; it would be prudent*.

5) **d > g** перед [g, k]: *a good cook; Good God; a good girl; salad cream; hard case; hard ground; armoured car; bad cold; red gate*.

6) **t > k** под влиянием последующих [k, g]: *get going; that kind; that golfer; that girl; at Glasgow; white coat; what kind*.

7) **t > p** перед [p, b, m]: *right place; bright boy; that place; that book; white bird; not me*.

Б. *Ассимиляция по способу образования согласного* реализуется в виде переходов: 1) **s > ʃ** перед [j, ʃ, ʃ*]; 2) **z > ʒ** перед [j, ʃ, ʃ*]; 3) **tʃ > tʃ** перед [j]; 4) **d > dʒ** перед [j]. Ассимилятивные переходы **s > ʃ**, **z > ʒ**, а также **tj > tʃ**, **dj > dʒ** перед [j] иногда называют «сращенной ассимиляцией» (*coalescent assimilation*) [12: 55].

1) Переход **s > ʃ** наблюдается перед [j, ʃ, ʃ*] в *just shut the door; this year; this shop; six yards; yes, you can; in case you forget; once you get going; face your friend; nice shoes; Goodge Street*.

2) Переход **z > ʒ** перед [j, ʃ, ʃ*] наблюдается в следующих комбинациях слов: *these shoes; these shops; those shops; where's yours in all these years; please, shut the door; as you like; as yet; does she; is your box ready?; are these your books?; butcher's shop; Financial Times Share*.

3) Переход **t > tʃ** перед [j] в *can't you do it; about you; wouldn't you*.

4) Переход **d > dʒ** в *would you; could you; did you; mind you*.

В. *Ассимиляция по глухости/звонкости* затрагивает переходы: 1) **z > s** перед глухими согласными; 2) **v > f** перед глухими согласными; 3) **d > t** перед [θ].

1) Перед глухими согласными осуществляется переход **z > s** в *his sister; his socks; is staying; is trying; he has to*.

2) Перед глухими согласными звук *v* переходит в *f* (переход **v > f**) в следующих примерах: *have to do; five past two*.

3) Перед [θ] звук *d* переходит в *t*, т.е. **d > t**: *I should think so*.

В быстрой неформальной речи типично действует ассимиляция согласных [t, d, n] перед велярными или лабиальными согласными. При этом происходит переход [t] + [b], [t] + [m] > [mʔpb], [ʔpb], [ʔpm], так что [t] не реализуется – вместо

него появляется гортанный приступ, например: *amount by* [★ ɤ mau?p bai], *Great Britain* [ɤ grei?p ɤ brit★n], *thirty feet wide* [ɤ θз: ti 'fi: ?p ɤ waid]» [2: 58].

Заметим, что «англичане не заменяют сильные согласные слабыми в словосочетаниях типа *black box*, *great day*», которые произносятся [ɤ blæk ɤ boks], [ɤ greit ɤ dei], а не [ɤ blæg ɤ boks], [ɤ greid ɤ dei]» [10: 103]. В быстрой небрежной речи последовательности согласных [nt] и [nd], встречаясь перед последующими губно-губными и заднеязычными согласными, могут преобразовываться соответственно в [mp] или [ŋk] и в [mb] или [ŋg], придавая слову «экзотическую» произносительную форму: в *plant pot*; *stand back*; *plant carrots*; *stand guard*; *wasn't good enough*; *different kinds*; *he wasn't being nasty*. Аналогичным образом последовательности [dnt] и [tnd] могут изменяться «вплоть до неузнаваемости», а именно - [dnt], [tnd] > [gŋk], [bmp], например, в *couldn't come*; *couldn't be*; *hadn't told*.

Во многих случаях ассимиляция действует совместно с элизией. Так, *soft cloth* в полной форме звучит как [ɤ soft ɤ kloθ]; при ассимиляционном воздействии: [ɤ sof k kloθ]; при наличии элизии: [ɤ sof ɤ kloθ]. Или: *steak and kidney* [ɤ steik ŋ ɤ kidni], *by and by* [ɤ bai ★ m ɤ bai], *the small marrows have far more flavour and can be cooked in a number of ways* [ð★ ɤ soft ɤ mærouz hæv ɤ fa: ɤ mo: ɤ fleiv★ ★ ŋ k★ m bi ɤ kukt in ★ ɤ nλmbɔr ★ v ɤ weiz]; *it won't catch fire* [it ɤ wouŋk ɤ kæt♦ ɤ fai★], [it ɤ wouŋ ɤ kæt♦ ɤ fai★]; *don't be late* [ɤ doump bi ɤ leit]; *second group* [ɤ sek★ ŋ ɤ gru:p]; *stand by* [ɤ stæmb ɤ bai]; *I don't believe it* [ai ɤ doum(p) ɤ bli:v it]; *won't go* ['wouŋ?k ɤ gou]; *stay in your seats* [ɤ stei m jo ɤ si:ts].

Изложенные языковые факты свидетельствуют о широком, всепроникающем действии ассимиляции и о «причудливости» возможных результатов этого действия. В ряде случаев избыточная степень ассимиляции может приводить к неоднозначности высказывания и, соответственно, к непониманию: *come and sip/sit by the fire* [ɤ kλm m ɤ sip bai ð★ ɤ fai★]; *you need some hop/hot manure* [ju ɤ ni:d sm ɤ hop m★ ɤ ŋjuð]; *they are a pair of ripe/right foolz* [ðe★ ɤ raip ɤ pe★ ★ v ɤ fu:lz] [12: 55].

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ И.А. Некоторые из общих положений, к которым довели Бодуэна его наблюдения и исследования явлений языка // Хрестоматия по истории русского языкознания / Под ред. Ф.П.Филина. – М., 1973. – С.386–388.
2. Браун Д. Восприятие английской речи на слух. – М.: Просвещение, 1984. – 171с.
3. Крушевский Н.В. Очерки по языковедению (О языке как системе; динамика, статика) // Хрестоматия по истории русского языкознания / Под ред. Ф.П.Филина. – М., 1973. – С.410–412.
4. Лосев А.Ф. Философия имени. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 269 с.
5. Якобсон Р. Речевая коммуникация // Якобсон Р. Избранные труды. – М.: Прогресс, 1985. – С.306–318.
6. Якобсон Р. Значение Крушевского в развитии науки о языке // Якобсон Р. Избранные труды. – М.: Прогресс, 1985. – С.331–347.
7. Якобсон Р. Лингвистика в ее отношении к другим наукам // Якобсон Р. Избранные труды. – М.: Прогресс, 1985. – С.369–420.
8. Christophersen P. An English phonetics course. – London: Longman, Green and CO LTD, 1964. – 216 p.

9. Jones D. The pronunciation of English. – Cambridge: Cambridge University Press, 1975 – 223 p.
10. O'Connor J.D. Phonetics. – London: Penguin Books, 1977. – 320 p.
11. Ward I. The phonetics of English. – Cambridge: W. Heffer & Sons Ltd, 1962. – 255 p.
12. Wells J.C., Colson G. Practical phonetics. – London: Pitman Press, 1980. – 116 p.